

Первой реакцией Гао И на эти слова было то, что он был недоволен этим. Какие порядочные люди в этом мире скажут что-то подобное при встрече с кем-то другим?

И все же он внезапно почувствовал, как в нем поднимается любопытство. Его больше не волновало то, что он несчастен, и он быстро спросил:

— Почему вы это сказали?!

Цуй Буцью:

— Я талантлив с юных лет, поэтому я научился искусству читать подсказки матери-природы и по лицу человека. Только что, когда я вошел, я увидел магистрата Гао, вас окружает негативная энергия. Я боюсь, что из-за праздника накануне вы невольно навлекли на себя «что-то».

Не было никаких сомнений, что Цуй Буцью говорил слишком много, хотя они плохо знали друг друга, но после вчерашнего случая Гао И отчаянно нуждался в ком-то, кто мог бы выслушать то, что он чувствовал внутри. Его не особо волновало, что сказал Цуй Буцью. В конце концов, не в силах это вынести, он просто спросил, о чем тревожится его сердце в данный момент.

Он спросил:

— Вчера вечером вы были свидетелями чего-нибудь странного?

Цуй Буцью кивнул головой:

— Да. Если быть до конца откровенным, причина, по которой мы сразу же пришли в бюро утром, заключалась именно в этом.

— Ну же, говорите!

И Цуй Буцью рассказал ему все о плаче призрака, который они слышали прошлой ночью.

Конечно, он ничего не упомянул о криках Фэн Сяо, а также о горшке с водой, который использовался для мытья его ног.

Цвет лица Гао И тут же изменился.

— Вы слышали, что сказал призрак потом?

— Что-то о том, как он жалко умер и что здесь остались незавершенные дела. Может быть, магистрат Гао тоже слышал плачь призрака прошлой ночью?

Поскольку он был не единственным, кто услышал плачь, подозрения Гао И значительно рассеялись. Он даже подумал, что ему повезло, потому что, хотя ему и не повезло, с ним кто-то был. Он даже понизил голос и сказал таинственно:

— Я не только слышал это, но и сам видел призрака!

Цуй Буцью и Фэн Сяо обменялись удивленными взглядами:

— Как он выглядел? Это был женский призрак?

Гао И:

— Я не разглядел ее внешность должным образом, но на ней была белая рубашка, а волосы растрепаны. Она была высокой и худой, голос такой, только по нему нельзя было бы определить мужчина это или женщина. Этот призрак немедленно подошел к моей кровати. После того, как я позвал своих людей, она исчезла. И все же каждый раз, когда я ложусь, этот голос раздается у меня в ушах. Она была далеко, но в то же время близка, рассказывая мне, как жалко она умерла, и хотела, чтобы причины ее смерти были расследованы повторно.

Фэн Сяо схватил Цуй Буцюя за рукав и потрясенно посмотрел на него:

— Муж мой, даже магистрат Гао не смог избежать этого. Будет ли нас снова преследовать призрак, если мы вернемся сегодня вечером? Муж, мой муж, давай переберемся в другую гостиницу, хорошо?

Цуй Буцюй сказал глубоким, ровным голосом:

— Неудивительно, что когда мы молились о удаче перед выходом, это дало нам плохое предзнаменование. Судя по всему, это не только плохое предзнаменование, но и то, что заставит плакать десять тысяч призраков в миллионе городов*.

Как только Гао И услышал это, он почувствовал, как по всему телу побежали мурашки. Он быстро спросил:

— Что это значит?

Цуй Буцюй:

— Если бы двадцать лет назад действительно имело место потрясающее дело, закончившееся несправедливо, и в то время Цемо еще не создал бюро при Императорском дворце, то жертва этого дела до сих пор не смогла бы передать свое дело в суд. Проходили дни и месяцы, ее энергия обиды становилась все сильнее, поэтому она преследовала Дуань Цигу и отказывалась уходить. Вчерашний случай на празднестве также был ключевым инцидентом, который запятнал Дуань Цигу такой темной энергией. Поэтому ему легко увидеть мертвых!

Гао И чувствовал, что этот мстительный призрак был слишком неразумным:

— Если у призрака были проблемы, она должна искать того, кто имеет к этому какое-то отношение! Какой смысл преследовать нас?! Это действительно подло!

Фэн Сяо отвечал за продвижение разговора:

— Муж, значит, согласно тому, что ты сказал, все может стать только хуже?

Цуй Буцуй:

— Конечно. Только что я сказал, что однажды уже дело было проигнорировано, ее энергия обиды будет только усиливаться. Вчера призрака видел не только магистрат Гао, но и практически каждый в нашей гостинице. Если так будет продолжаться, я боюсь, что это повлияет и на удачу других людей. Когда это время придет, будут ли десять тысяч призраков рыдать в миллионе городов*?

ПП: Заставить плакать десять тысяч призраков в миллионе городов - так можно описать самое страшное бедствие из всех возможных. Цуй Буцуй имел в виду, что если Гао И не позаботится о призраке, Цемо постигнет худшее из возможных бедствий.

Гао И был чрезвычайно обеспокоен одним предложением в его речи и спросил:

— Что произойдет, если это повлияет на чью-то удачу?

Цуй Буцью:

— Мягким приговором будет то, что вам не повезет, куда бы вы ни пошли; суровым приговором - вы будете связываться с призраками, куда бы вы ни пошли, ваше сознание затуманится, и если вы будете вести дела, это повлияет на ваши доходы, а если вы чиновник, то это повлияет на вашу карьеру.

Фэн Сяо выглядел шокированным:

— Муж, тогда разве это не коснется и нас? Нам тоже не будет везти всю оставшуюся жизнь? Давай поскорее покинем это место. Давай оставим тех, кто не сможет уйти. Мы все равно не люди из этих мест, так что пусть им не везет, сколько угодно!

Гао И: ...

Фэн Сяо:

— Муж, твоя жена действительно напугана. Если мы продолжим в том же духе, что, если однажды я проснусь, а рядом со мной в постели будешь не ты, а призрак?!

Гао И: ...

Цуй Буцью бросил на Фэн Сяо свирепый взгляд, намекая ему: «Это уже перебор. Остановись, видишь, что это уже послужило своей цели, если ты продолжишь в том же духе, это будет игра с огнем».

Фэн Сяо: «Посмотри на Гао И, напуганного до такой степени. Позволь мне добавить еще два предложения, чтобы убедиться, что он не сможет уснуть этой ночью».

Когда они обменялись взглядами, хотя Гао И все еще относился к ним с подозрением, он уже почти поверил им.

Если бы Дуань Цигу в одиночку построил все, что у него сейчас было, из ничего, он бы так легко в это не поверил, но Гао И изначально был суеверным человеком и абсолютно доверял таким вещам, как панцирь черепахи и медные монеты. Практически половина жителей Цемо знали, что если их магистрату повезет, он даже не выйдет за пределы своего поместья в течение всего дня. Поэтому, не говоря уже о том, что он видел призрака своими собственными глазами, поскольку призрак преследовал его всю ночь, в этот момент его подпитывали эти два человека, он действительно колебался.

Как только Цуй Буцью решил, что пламя почти достаточно разгорелось, он сказал:

— Магистрат Гао, вы когда-нибудь думали о том, чтобы возобновить дело и докопаться до истины, чтобы мертвые могли покоиться с миром? Это также может положить конец этому навязчивому шуму.

Гао И горько улыбнулся:

— Вы говорите так, как будто это легкая вещь. С чего мне следует начать расследование и с кого мне следует начать? Могу ли я напрямую спросить Дуань Цигу, убивал ли он кого-нибудь раньше? Этот случай произошел как минимум двадцать лет назад. Не прошло и нескольких лет с тех пор, как я приехал в Цемо, так что, не говоря уже о костях, у меня нет даже письменного отчета, с которого я мог бы начать.

Цуй Буцью:

— Поскольку несколько раз доносились разговоры о призраках из колодца, если мы пошлем кого-нибудь к колодцу поискать, возможно, нам удастся что-нибудь найти. В этом мире нет такого человека, который мог бы создать следы на трупе и нескольких костях, поскольку этот

вопрос касается не только удачи каждого жителя города, но и будущей удачи магистрата Гао. Вы, конечно, не хотите жить так всю оставшуюся жизнь?

Гао И нахмурил брови:

— И что вы предлагаете?

— Используйте этот шанс, чтобы искоренить прошлое Дуань Цигу, а затем используйте его против Син Мао. Уничтожьте обе власти в Цемо сразу, тогда вы сможете освободиться от роли покорной марионетки магистрата и заявить о своей победе. К тому времени, не говоря уже о продвижении по служебной лестнице, вам могли бы даже быть даны титул Императорского двора.

Гао И тут же покачал головой. За те несколько лет, что он проработал здесь, он узнал Дуань Цигу и Син Мао. Если только Императорский двор не прислал огромную армию, иначе в одиночку он не смог бы уничтожить ни одного из них.

Цуй Буцью:

— Вчера на празднестве подчиненные Син Мао чуть не отравили Дуань Цигу, в конце концов план провалился, и после этого Син Мао отказался признать, что это было связано с ним самим, как вы думаете, Дуань Цигу поверил в это? Син Мао был уверен, что Дуань Цигу ему поверил, поэтому, чтобы защитить себя, он предпочел бы сделать первый шаг, воспользовавшись элементом неожиданности. Магистрат Гао, откуда вам знать, что вы не будете следующим в очереди?

— Больше ничего не говорите. Больше ничего не говорите. Я не могу... невозможно... — Гао И замолчал на полуслове, затем внезапно осознал кое-что. Цвет его лица поблек. — Вы не племянник князя Кучи, то кто же вы?

Куча никогда не участвовал в политических делах Цемо, так как же его племянник мог здесь

подстрекать Гао И выступить против Дуань Цигу и Син Мао?

— Действительно, я не из Кучи.

Цуй Буцью хладнокровно сказал:

— Гао И, ты стоишь перед лицом смерти, ты все еще думаешь, что сможешь укрыться в безопасной стране?

Он достал именную печать и бросил ее Гао И:

— Посмотри, что это такое.

Гао И вопросительно взял печать, но, увидев ее, тут же подпрыгнул.

Из всех нынешних чиновников, если бы они носили на себе несколько титулов, их печати имели бы несколько поверхностей для удобства, например, ту самую печать, которую Цуй Буцью вручил Гао И в данный момент: у нее было целых шесть поверхностей.

Печать определенно не являлась подделкой. Цуй Буцью обычно не раскрывал свою принадлежность к бюро Цзюэ, но он был похож на Фэн Сяо в том, что у него было несколько титулов, поэтому, как только он назовет их, этого будет достаточно, чтобы эффективно запугать определенных людей.

Например, на печати Цуй Буцью было две гравюры. Это был Иньцин Гуанлу и Командующий Цзяньча, чиновник и надзорный цензор соответственно. Первый не имел реальной власти, проще говоря, это были только имя и титул, но Император обычно присваивал такой титул людям, достигшим определенного уровня завоеваний; последнее, однако, было должностью,

которая была учреждена только в прошлом году. Его ранг не очень высок, и не все еще знали об этом, но Гао И слышал от своих друзей в столице, что этот чин обладал такой же властью, как и Три департамента и Шесть министерств. Хотя командиру Цзяньча приходилось преклоняться перед многими другими чиновниками, другие также были весьма напуганы властью, которой он обладал.

Титул «Иньцин Гуанлу» присваивается чиновнику третьего ранга, титул «Командующий Цзяньча» присваивается чиновнику восьмого ранга. Поскольку ранг Цуй Буцюя, конечно, выше, поэтому, по протоколу, Гао И следует склониться перед Цуй Буцюем при встрече.

Он подозревал, что неправильно понял это. В таком маленьком городе, как этот, не говоря уже о нормальных чиновниках, любой, кто привык к комфортной жизни, не пришел бы сюда даже для того, чтобы поесть песка. Как здесь может ни с того ни с сего появиться чиновник третьего ранга?

Цуй Буцюй:

— Я ехал, чтобы расследовать одно дело, и проезжал здесь рядом. Чтобы избежать раскрытия моей истинной личности, я взял вымышленное имя племянника князя Кучи. Гао И, увидев эту печать, у тебя есть еще вопросы?

Гао И однажды обманули, поэтому он, естественно, был настороже:

— Осмелюсь спросить, куда вы направляетесь и какое дело расследуете? И какое это имеет отношение ко мне?

Это означает: даже если ты командующий Цзяньча, у тебя нет полномочий приказывать мне.

Цуй Буцюй свирепо посмотрел на него:

— По приказу Императорского дворца я направляюсь к горам Саньми в Западный Гектюрк, ты понимаешь?

Гао И не был таким невежественным, так что если это касается Гектюрка, то это определенно что-то очень важное, так он понимал.

Фэн Сяо хлопнул ладонью по столу, когда увидел, что такая возможность представилась.

Сила, которую он использовал, была невелика, и Гао И практически ничего не услышал, но в мгновение ока стол рассыпался в пыль, которая рассыпалась по всему полу и превратилась в кучку пепла.

Фэн Сяо сказал нежным, мягким тоном:

— Магистрат Гао, что ты думаешь о моих боевых способностях?

Гао И сглотнул и с трудом проговорил:

— Редко встречающиеся.

Фэн Сяо улыбнулся:

— С таким мастером боевых искусств, как я, кто может помешать мне делать то, что я хочу? И кто может помешать мне, куда бы я ни пошел? Даже если я мошенник, тебе не кажется, что это немного унизительно? Если бы не особая личность господина Цуя, что бы заставляло меня постоянно находиться слева и справа от него, защищая его?

Когда Цуй Буцью вынул печать, Гао И уже почти поверил ему, после угрозы Фэн Сяо он поверил в это полностью.

Он поднялся на ноги и поклонился:

— Как я могу обращаться к моему господину?

— Цуй Буцью.

— Господин Цуй, вы высокопоставленный чиновник и несете на себе тяжелые обязанности, поэтому мне не следует спрашивать слишком много, но, похоже, ваше дело не имеет ничего общего с делом Дуань Цигу.

— Хотя мой случай не имеет к этому никакого отношения, я не хочу видеть тебя мертвым на обратном пути, и чтобы Цемо превратился в новое королевство Шаньшань.

Гао И сухо рассмеялся:

— Это звучит слишком напыщенно.

— Глупец! Ты знаешь, что в поместье Син хранится более пяти тысяч стальных доспехов и есть два склада, заполненных провизией, спрятанных в городе? Ты знаешь, что если сложить их вместе, то этого будет достаточно, чтобы завоевать весь Цемо?!

Первоначально Цуй Буцью хотел использовать этот случай, чтобы пробудить волю в Гао И, но с тех пор, как Фэн Сяо превратил стол в порошок, Цуй Буцью мог использовать только свой голос, чтобы подавить другого, и он снова отругал Фэн Сяо в своем сердце.

Гао И выглядел потрясенным:

— Это невозможно.

Цуй Буцью бесстрастно сказал:

— Все эти годы Императорский дворец основывал свои опорные пункты по всему Цемо и использовал его для передачи тайных сообщений. Хотя в настоящее время они не смогли выяснить, где находятся склады Син Мао, но информация, касающаяся стальных доспехов, определенно не была просто слухом. Даже в это время ты все еще лжешь себе и другим, убеждая себя, что он не создаст армию, или ты надеешься, что если он действительно создаст армию, то сохранит тебе жизнь?

Даже если бы Син Мао не хотел становиться врагом империи Суй и высылать Гао И из города после того, как его арестуют, Гао И никак не смог бы остаться магистратом. Десять шансов из десяти, что он даже будет наказан Императорским двором за свою неудачу, и это оставит позорный след в истории.

Лицо Гао И внезапно побелело.

Внезапно он подумал о вчерашнем празднестве, о том, как Дуань Цигу и Син Мао противостояли друг другу свирепо, как два тигра в жестокой схватке, и когда он подумал о том, что в ближайшие несколько дней ему, несомненно, будут продолжать сопутствовать неудачи всякий раз, когда он будет бросать кости, а затем он подумал о том, что призрак будет преследовать его по ночам в течение нескольких дней, он был слишком напуган, чтобы даже принять решение. Он даже выглядел немного нерешительным и отстраненным.

Цуй Буцью очень рано понял, что Гао И был трусом, который не желал, чтобы ему помогли подняться. Если бы это был обычный день, он бы уже сделал это без колебаний, но сейчас их армия еще не прибыла, и с этими несколькими людьми в одиночку они ничего не смогли бы сделать. По крайней мере, Гао И был чиновником Императорского двора, так что его имя

имело некоторую силу и могло облегчить весь процесс.

Если бы только Гао И был готов сотрудничать.

— Но если Син Мао действительно спрятал стальные доспехи, возможно, в его намерения не входило собирать армию? В конце концов, его дед был королем Шаньшаня, так что, если бы эти стальные доспехи перешли к нему по наследству, в этом не было бы ничего странного. Кроме того, это место представляет собой руины, и оно находится недалеко от Гектюрка, возможно, он хотел их только для самообороны... — Гао И начал придумывать оправдания для Син Мао.

Цуй Буцью:

— Я слышал, что, когда Син Мао устраивал пиршества и напивался, он часто пел песню «Ревели сильные ветры». О том, как сильные ветры поднимались в воздух и парили в небе, о том, что прежнее господство и слава вернуться.

Гао И тихо сказал:

— Слухи об этой песне ходят повсюду, и люди поют ее когда угодно. Син Мао - образованный человек, и он имеет происхождение Хань, так что это наверняка ничего не докажет?

Цуй Буцью холодно рассмеялся:

— Я также слышал, что в тот год, когда магистрат Гао только приехал в Цемо в качестве нового магистрата, вступившего в должность, Син Мао и Дуань Цигу послали кого-то принести тебе белую рыбу и меч в качестве приветственного подарка.

Белая рыба описана в книге Лю Сяна. Когда Цуй Цзысуй сказал королю У фразу,

намекающую на историю о белом драконе, превратившемся в рыбу, среди простых людей могут быть выдающиеся люди и особы королевской крови*.

ПП: История о белом драконе, превратившемся в рыбу: В ханьском фольклоре когда-то был белый дракон, который превратился в рыбу, чтобы плавать в озерах мира смертных. Он плавал туда-сюда, потому что думал, что это весело. Позже охотник выстрелил ему в глаз, и дракон захотел, чтобы Император Небес наказал охотника, но Император Небес отказался. Он сказал: «Охотник подстрелил рыбу, а не дракона, так почему он должен быть наказан? Проблема в тебе. Ты дракон, так почему же ты превратился в рыбу?» В данном случае эта фраза означала, что люди королевской крови могут быть скрыты среди простого народа — Син Мао имел в виду, что он был потомком короля, который сейчас находится среди простых людей, а белая рыба должна была предупредить Гао И, чтобы он помнил, что Син Мао - король, ходящий среди обычных людей.

Меч был намеком Гао И на доминирование Дуань Цигу, предупреждением его о том, что Дуань Цигу - человек, который многое повидал и прошел через многое, так что ему также следует закрыть глаза на все, что здесь произошло, иначе, даже если бы он был чиновником Императорского двора, Дуань Цигу не показал бы ему милосердного избавления от смерти.

Гао И хорошо разбирался в науке, поэтому сразу понял, что означают эти два предмета.

Последний угрожал ему властью, которую он имел над городом, но поскольку Дуань Цигу был так напыщен в своих действиях, он не был таким ужасающим. Первым, однако, было не демонстрировать Гао И свою силу, он просто хотел увидеть реакцию Гао И на получение меча.

Хотя трусливый Гао И записал амбициозность Син Мао в свой доклад и отправил это Императору, Императорский дворец был еще не в состоянии справиться с Цемо, поэтому Гао И мог провести годы в мире в городе и проводить здесь день за днем. Ему никогда не приходило в голову разрабатывать план по отвоеванию Цемо у Син Мао и Дуань Цигу.

Поскольку Син Мао обладал такой гордой и достойной личностью, естественно, он был бесстрашен и даже не привлекал внимания Гао И.

Цуй Буцью подумал, что Гао И повезло, что он не был его собственным подчиненным, иначе Цуй Буцью приказал бы Цяо Сянь бросить такого бесполезного человека в реку на корм рыбам.

Если бы существовала такая вещь, как список самых «бездельничающих» людей в этом мире, то имя Гао И определенно было бы в нем, возможно, он даже попал бы в первую тройку.

Гао И никогда не ожидал, что Цуй Буцью все еще помнит все это, поэтому выражение его лица стало невероятно мрачным, горько улыбнувшись, он сложил обе руки вместе и взмолился:

— Мой господин действительно мудр. Однако это не потому, что я отказываюсь помогать, но за те дни, что вы провели здесь, вы сами это увидели. Власть Син Мао огромна, и Дуань Цигу не остановить. Вместо того, чтобы вмешиваться напрямую, не должны ли мы подождать, пока они оба сразятся друг с другом, тогда мы сможем выйти и заявить о себе как о победителе!

То, как он думал, имело смысл, но и Син Мао, и Дуань Цигу не были дураками, так как же они могли позволить Гао И стать победителем таким образом?

Цуй Буцью знал, что у этого человека кишка тонка, как у крысы, поэтому ему было лень тратить время на его убеждения. Он немедленно встал и сказал:

— Ты можешь не вмешиваться. Я позабочусь об этом деле, но сделаю это от твоего имени.

Гао И хотел разомкнуть губы, чтобы отказаться, но когда Цуй Буцью бросил на него холодный взгляд, слова застряли у него в горле, и он не смог произнести ни единого слова.

Фэн Сяо:

— Гао И, постарайся принять это, пока мы все еще ведем себя хорошо. Если мы захотим что-нибудь с тобой сделать, достаточно одного слова. Однако, поскольку мы все служащие Короны, мы должны проявлять милосердие друг к другу, не так ли? Если так будет продолжаться, призраки будут преследовать тебя каждый день, и скоро Син Мао не будет необходимости убивать тебя, ты умрешь от того, что твоя удача иссякла.

По мнению Гао И, возможно, быть преследуемым призраками было страшнее, чем быть убитым Син Мао, поэтому с этими словами он наконец сделал свой выбор. После минутного молчания он сказал:

— В эти дни мне нездоровится, поэтому я закрою свои двери и воздержусь от приема гостей. Что бы ни хотел сделать господин Цуй, я не буду вмешиваться.

Эти слова означали, что он уже позволил Цуй Буцюю делать все, что тот хотел.

После того, как они вышли из бюро, Фэн Сяо спросил Цуй Буцюя:

— Как ты узнал, что с ним можно справиться с помощью слухов о призраках?

— Два месяца назад, перед поездкой в Люгун, я приказал людям расследовать все, что произошло от Люгуна до Западного Гектюрка, и выложить их на мой стол, включая этого трусливого, безвольного, суеверного магистрата Цемо.

Фэн Сяо не удержался и внимательно посмотрел на Цуй Буцюя.

Два месяца назад Цуй Буцюй уже провел расследование и четко держал всю информацию в голове. Он знал слабости Гао И и его интересы, и, приехав в Люгун, уже обдумывал, как развязать войну между Дуань Цигу и Син Мао.

— Не нужно слишком восхищаться мной, я всего лишь на несколько шагов впереди тебя, — прямо сказал Цуй Буцью с бесстрастным выражением лица.

Фэн Сяо покачал головой:

— Это не так. Я просто думаю об этом, неудивительно, что ты ниже меня, и твое тело слабее моего. Потому что все, что ты делаешь, это придумываешь, как стравить других людей.

Губы Цуй Буцью дрогнули, и он сказал насмешливо:

— Меня не волнует, скажешь ли ты, что мое тело слабое, и я действительно думаю о том, чтобы стравливать других каждый день, когда мне скучно и мне нечего делать. Однако, почему ты так уверен, что ты выше меня? Не выше ли подошва твоей обуви, чем у обычной обуви?

Фэн Сяо одарил его странной улыбкой:

— Я уверен, что я выше тебя, потому что я «длиннее» тебя.

Цуй Буцью свирепо посмотрел на Фэн Сяо и очень долго ничего не говорил.

Фэн Сяо смахнул носовым платком и притворился дурачащимся и застенчивым:

— Муж, почему ты так смотришь на свою жену? Твоя жена так напугана твоим видом, что ее сердце бешено колотится!

Цуй Буцью: ...

Он вспомнил: с того времени, когда он находился под опекой Фэн Сяо и был отравлен Найхэ. Бывали дни, когда он не мог отличить день от ночи, и, конечно, его одежду меняли какие-нибудь подчиненные. Определенно, именно в эти моменты Фэн Сяо видел его. Поскольку лицо этого человека было толще стен Великой Китайской стены, он не знает, как пишется слово «сдержанный».

Но Цуй Буцью давно привык к этому, поэтому бесстрастно пропустил эту тему мимо ушей.

— Сегодня вечером позволь магистрату Гао еще раз увидеть призрака.

— Ты уверен, что Син Мао сделает свой ход сегодня вечером?

Цуй Буцью определенно ответил ему:

— Если наши предположения верны, то сейчас есть две группы людей, которые хотят смерти Дуань Цигу. Одна группа людей — это третий помощник и Юй Сю, а другая группа — это те, кто отравил вино. Кроме того, между тем, кто отравил вино, и третьим помощником могла существовать связь. Син Мао ждет, поэтому мы должны действовать быстро. Пусть этот город Цемо превратится в настоящий город, где призраки плачут по ночам. Поскольку Син Мао ждал уже столько лет, он определенно воспользуется шансом и сделает ход сегодня вечером!